

путем расширения спектра практически необходимых учебных предметов и интенсификации обучения на отдельных его ступенях.

Что касается наблюдений над оценками в НА склонностей принцепсов к танцам, музыке, пению, живописи и спорту (а этой теме уделена довольно значительная часть книги, с. 82—123), то здесь, пожалуй, заслуживают особого внимания два момента. Во-первых, Рэгер показывает, что в жизнеописаниях постулируются желательность совершенствования правителей в мусических искусствах, но только в обстановке *vita privata* и никоим образом не на виду у общественности (следует интересный сравнительный экскурс в оценку артистических увлечений Нерона, данную Тацитом и Светонием). Во-вторых, взгляды НА на греческую атлетику совсем иные, нежели негативная позиция Селеки, Лукана, Марциала, Тацита и Плиния Младшего: сообщения об атлетических упражнениях «добрых» императоров (Марс., 4.9; Алекс., 27, 9—10) лишены критического подтекста. К сожалению, в заключение этого обзора Рэгер ограничился констатацией «решительного поворота» со времен Марка Аврелия во взглядах римлян на атлетику, лишь подчеркнув, что это явление нуждается в основательном объяснении.

Таким образом, серьезного приближения к выявлению идейно-политического замысла НА книга Рэгера не обнаруживает. Конечно, исследователь далек от мысли считать *vitae* антихристианским памфлетом 60-х годов IV в., как это делали Н. Бейнз и его сторонники (кстати, на работы Бейнза автор не ссылается). Тем не менее в книге имеется ряд суждений типа уже указанных выше оценок «астрологических» пассажей НА, позволяющих показать отношение Рэгера к хронологии источника. Так, говоря о критике источником лиц типа *principes priores* (следуют имена Нерона, Коммода, Элагабала), Рэгер, в извест-

ной степени следующий за В. Хартке, считает вероятным, что составитель биографий мог наблюдать правление Валентиниана II, Аркадия и Гонория (ср.: с. 18; с. 134, примеч. 14; с. 135, примеч. 21—24). Строгой аргументации на этот счет в монографии нет, да и сам автор оговаривается, что книга не преследует подобной цели. С другой стороны, постоянно относя НА к позднеантичной литературе, что само по себе возражений не вызывает, Рэгер однажды определяет автора жизнеописаний как одного из «поздних теоретиков принципата» (с. 82). Но, думается, только взглядов НА на характер императорского воспитания для такого принципиального вывода недостаточно. В результате вопрос о том, когда возникла актуальность критики *principes priores*, порицания ряда элементов современной автору НА системы воспитания будущих правителей и злободневность иных, функционирующих в данном ключе проблем, остается в монографии Рэгера открытым.

Следует добавить, что с трудами советских историков, касающихся НА (например, статьями А. И. Доватура и Е. М. Штаерман), Рэгер незнаком (по крайней мере ссылок на них в книге нет). Однако для рассматриваемой исследователем проблемы нам представляется заслуживающим самого пристального внимания именно тезис Е. М. Штаерман о плодотворности метода, «который во главу угла ставит задачу выяснить общую тенденцию SHA, с тем чтобы затем определить, в какой среде и в какое время такая тенденция могла возникнуть»³.

Тем не менее множество глубоких и интересных наблюдений, осуществленных Рэгером, делают его работу полезной для всех, интересующихся позднеантичной политической и литературной мыслью.

А. С. Козлов

³ Штаерман Е. М. «Scriptores Historiae Augustae» как исторический источник. — ВДИ, 1957, № 1, с. 235.

D. Renner. Die Koptischen Textilien in den Vatikanischen Museen. Wiesbaden, 1982. XI + 154 S.

Ватиканское собрание памятников материальной и художественной культуры издавна пользуется широкой известностью. Неотъемлемой его частью является коллекция позднеантичных, коптских и средневековых восточных и европейских тканей. Часть собрания коптских тканей Христианского музея Ватикана (преподнесенная музею французскими миссиями в Египте) известна научной общественности с начала XX в.: они фигурировали на выставке памятников

византийского и итальянского искусства в Гроттаферрате в 1905 г.¹ В каталоге этой выставки А. Муньос в общих словах охарактеризовал экспонировавшиеся образцы и дал воспроизведения некоторых из них². Более 40 лет назад эту часть ватиканской коллекции образцов для того времени издал В. Фольбах³.

Но в Ватикане хранилось еще около сотни образцов коптских тканей, попавших сюда в качестве дара Э. Гимэ. Боль-

¹ Муньос А. L'arte byzantina all' esposizione di Grottaferrata. — L'Arte, 1905, VIII, p. 162—163.

² Муньос А. L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata. Roma, 1906, p. 127—129, fig. 88—99.

³ Volbach W. F. I tessuti del Museo Sacro Vaticano. Città del Vaticano. 1942.